

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-3-22-46

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Эльвира Фаритовна ПУШКАРЕВА

Совет по изучению производительных сил, Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации
Вавилова ул., д. 7, Москва, 117997, Российская Федерация
elvira_2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2620-623X

Поступила в редакцию: 01.07.2019
Принята к публикации: 03.09.2019

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ МОРСКИХ ОХРАНЯЕМЫХ РАЙОНОВ

ВВЕДЕНИЕ. Договорные и обычные нормы международного морского права предусматривают обязанность государств защищать и сохранять морскую среду, используя «наилучшие» средства. Государства должны сотрудничать при разработке правовых механизмов в целях защиты и сохранения морской среды на универсальном, региональном и двустороннем уровнях. Универсальный договорный источник современного международного права – Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) предусматривает многочисленные нормы о защите и сохранении морской среды, в их числе и установление «четко обозначенных» особых районов, в которых действуют более строгие природоохранные нормы. При этом для обозначения таких районов в международно-правовых источниках, в т.ч. Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 г., измененной Протоколом 1978 г. (далее также – Конвенция МАРПОЛ 1973/78), Конвенции по биологическому разнообразию 1992 г.,

документах Программы ООН по окружающей среде (далее – ЮНЕП) и Международной морской организации (далее – ИМО), используются разные термины: «особый район», «морской охраняемый район», «морская охраняемая территория», «особо чувствительный морской район». Не все эти термины использованы в Конвенции 1982 г.; более того, ни один из них в ней не определен. Конвенция по биологическому разнообразию 1992 г. хотя и предусматривает дефиницию термина «морской охраняемый район», но только для целей сохранения биоразнообразия. В настоящей статье проводится анализ возможных подходов к толкованию международно-правовых положений о морских охраняемых районах, рассматривается практика их обозначения государствами, с научным акцентом на правовую проблематику создания таких районов, прежде всего в водах Арктики и Антарктики, где последствия загрязнения морской среды могут иметь необратимый характер.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье показана эволюция развития международно-правовых основ сотрудничества государств при квалификации морских территорий в качестве охраняемых начиная с текста Вашингтонской конвенции 1926 г., наработок Комитета экспертов Лиги наций 1934 г., Конвенции МАРПОЛ 1973/78, документов Международного союза охраны природы. Особое внимание уделено научному толкованию норм об особых районах, предусмотренных в Конвенции 1982 г. Исследованы положения Конвенции о биоразнообразии 1992 г., Протоколы к конвенциям ЮНЕП о региональных морях начиная с Протокола об особых охраняемых районах Средиземного моря, принятого в 1982 г.; а также применимые недоговорные международно-правовые источники: документ Международной морской организации; документ «Повестка дня на XXI век», принятый Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г.; «План выполнения решений Всемирного Саммита по устойчивому развитию», 2002 г. Основное внимание сфокусировано на исследовании материалов, нормативных и доктринальных, раскрывающих практику создания морских охраняемых районов в Арктике и Антарктике.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Международное право пополняется все более разработанными механизмами разного уровня, в т.ч. договорными, относительно установления морских охраняемых районов и управления ими. В научно-правовой литературе предложены разные классификации таких районов с учетом различий между терминами, обозначающими это понятие в международно-правовых источниках. Предложено подчеркнуть различие, например, между понятием «особый район», предусмотренным в Конвенции МАРПОЛ 1973/78, и понятием, обозначенным этим же термином, но предусмотренным в Конвенции 1982 г. По результатам исследования в настоящей статье предложен иной подход. Природоохранная практика государств, как констатируется, все более ориентирована не на фрагментацию понятийного аппарата, применимого к практике установления таких особых природоохранных режимов в конкретных морских районах; не на создание тем самым дополнительной путаницы в правовых терминах, а на консолидированное толкование международно-правовых норм об особых районах; для этого предложено понятие «морской охраняемый район» как родовое понятие

толковать широко, не ограничивая его значением конкретного термина, используемого в конкретном международном соглашении. При таком широком подходе нормы международного права о морском охраняемом районе обозначают права и соответствующие обязательства государств, в своей совокупности обеспечивающие не только защиту морской среды, не только более строгие меры такой защиты в данном, четко обозначенном районе от загрязнения нефтью или от иных видов загрязнения. Особые природоохранные меры в таком районе нацелены также на сохранение наличествующей здесь экосистемы в целом, включая природные ресурсы, прежде всего биологические; в пределах такого морского района проведение конкретных видов деятельности может ограничиваться или запрещаться, в т.ч. для того, чтобы достичь обозначенных природоохранных целей, например, цели сохранения ареалов обитания морских эндемиков, иных уникальных водных организмов; обеспечения устойчивости морской биопродуктивности, мониторинга состояния экосистемы в данном районе. Могут приниматься законы прибрежного государства и об особом природоохранном управлении таким районом.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Если по смыслу Конвенции МАРПОЛ 1973/78 правовой режим «особого района» ограничен лишь более жесткими мерами предупреждения загрязнения моря нефтью с судов, то в совокупном контексте норм международного права об охраняемых морских районах, включая нормы Конвенции 1982 г., Конвенции о биоразнообразии, Протоколов ЮНЕП к региональным природоохранным конвенциям, иных относящихся к защите морской среды международно-правовых источников статус морских охраняемых районов определен широко, с перспективой на его дальнейшее уточнение и индивидуальное наполнение, с учетом географических, биофизических и иных естественных характеристик конкретного морского района, квалифицируемого как особо охраняемый. Это во-первых. Во-вторых, все более универсальное признание в доктринах международного права широкого смысла понятия морского охраняемого района не означает, что именно на универсальном уровне взаимодействия государств наиболее эффективно установление таких районов. Хотя состоявшаяся в сентябре 2018 года первая сессия Межправительственной конференции обозначила общее

намерение государств подготовить на универсальном уровне текст Соглашения о сохранении и устойчивом развитии морского биоразнообразия в районах за пределами национальной юрисдикции, быстрого согласования такого текста, даже самого рамочного, не ожидается. На таком фоне в статье сделан вывод о перспективности регионального и двустороннего уровня взаимодействия государств с целью установления морских охраняемых районов, с более предметным учетом океанографических и экологических условий конкретных морей, заливов и проливов, особого характера движения судов в них. В практическом плане вопросы толкования и применения норм международного права о таких районах особенно актуальны в контексте практики создания морских охраняемых районов в Арктике, только обозначенной, но динамично развивающейся, весьма чувствительной для каждого

арктического государства, как показано в статье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: морские охраняемые районы, международное морское право, международное право окружающей среды, защита и сохранение морской среды, правовой режим Арктики, Арктическое право, правовой режим Антарктики, сохранение морского биоразнообразия, морское пространственное планирование

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вылегжанин А.Н., Пушкарева Э.Ф.. 2019. Международно-правовые вопросы установления морских охраняемых районов. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 22–46.

DOI: 10.24833/0869-0049-2019-3-22-46

INTERNATIONAL LAW OF THE SEA

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-3-6-22-46

Alexander N. VYLEGZHANIN

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4838-2525

Elvira F. PUSHKAREVA

Council for the Study of Productive Forces, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation
7, ul. Vavilova, Moscow, Russian Federation, 117997
elvira_2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2620-623X

Received 01 July 2019
Approved 03 September 2019

DESIGNATION OF MARINE PROTECTED AREAS (ISSUES OF INTERNATIONAL LAW)

INTRODUCTION. *Treaty and customary rules of International Law of the Sea provide for the duty of States to protect and preserve the marine environ-*

ment, using for this purpose “the best” means. States shall also cooperate in elaborating legal mechanisms for the protection and preservation of the marine en-

vironment on a universal, regional or bilateral basis. Universal treaty sources of modern international law, including the UN Convention on the Law of the Sea, 1982 (UNCLOS), among other numerous rules on protection and preservation of the marine environment, provide for the adoption by the coastal states more stringent ecological laws and regulations in "clearly defined" areas. Different terms are used for designating such areas in UNCLOS and other international instruments such as Convention for the Prevention of Pollution by Ships, 1973 modified by the Protocol of 1978 (MARPOL 1973/78); Convention on Biological Diversity, 1992; the Protocols adopted by the UN Environmental Programme (UNEP); documents of International Maritime Organization (IMO). Such terms are used: "special areas"; "marine protected areas"; "marine protected territories"; "particularly sensitive areas". Not all these terms are used in UNCLOS and none of them is defined by the rules of this convention. Convention on Biological Diversity provides for the definition of "marine protected areas", but only for the purpose of conservation of biodiversity. This paper addresses optional approaches to interpreting rules of international law which are relevant to marine protected areas and practice of states in designating such areas, first and foremost, in the waters of Arctic and Antarctic, where the consequences of marine pollution might be irreversible.

MATERIALS AND METHODS. This paper demonstrates the evolving legal basis of international cooperation of states in establishing marine protected areas beginning from the text of the Washington convention of 1926, materials of the Committee of Experts of the League of Nations, the Convention for the Prevention of Pollution by Ships, 1973 as amended by Protocol 1978, and documents of the International Union for the Conservation of Nature and Natural Resources. Particular attention is devoted to interpreting the rules on special areas provided in UNCLOS. The paper addresses also the relevant rules of the Convention on Biological Diversity, 1992; UNEP Protocols, beginning with the first of them – "the Protocol on Mediterranean Specially Protected Areas", adopted in 1982; and also relevant soft-law documents such as "Guidelines for the Designation of Special Areas and the Identification of Particularly Sensitive Areas", adopted by the Assembly IMO in 1991 and famous "Agenda for XXI", adopted by the Rio Environmental Conference in 1992 and relevant documents of the Johannesburg Summit, 2002. The focus of the research is directed to legal materials of designating marine protected areas in the Arctic and Antarctic.

RESEARCH RESULTS. International Law is developed by more and more maturing legal mechanisms of different level, including treaty level, which relate to designating marine protected areas and to governance thereof. Different classifications of such areas are suggested in legal literature, taking into account different terms used in relevant sources of international law. It is suggested in legal literature to make accent on differentiating between the term "special areas", as it is provided in MARPOL 1973/78 and the same term used in UNCLOS. As a result of this research it is suggested a different approach. The practice of states in pursuing environmental protection, as noted in the paper, reveals a trend not to fragment relevant legal notions, applicable to designating special protected areas at sea in defined limits and thus not to create additional confusion of legal terms but rather to consolidation, comprehensive interpretation of international law rules applicable to special areas. Within this trend it is suggested that the term "marine protected areas" as a generic term is interpreted in a wide context, not limiting it to the meaning of the term, used in a specific international agreement. According to such a wide approach rules of international law on marine protected areas in their cumulative effect provide not only duties of states to protect marine environment; not only that more stringent environmental measures in such areas are aimed at protection from pollution by oil or other pollutants; such stringent measures are aimed also at preservation of ecosystems, ecological complexes, including marine living resources. The economic activities in such areas might be restricted or even prohibited in order to achieve specific environmental purposes, including preservation of marine endemics and other rare marine living resources; including also sustainability of marine bioproductivity and monitoring the state of ecological balance in such areas. The coastal states may also adopt laws and regulations relating to special environmental governance of such areas.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. While according to MARPOL 1973/78 the legal regime of "special areas" is limited by more stringent measures for preventing pollution of the sea from vessels, the legal regime of marine protected areas is different, according to cumulative effect of relevant rules provided in UNCLOS, Conservation of Marine Biodiversity, the UNEP Protocols to regional sea conventions and other sources of international law relating to preservation and protection of the marine environment. Firstly, according to the latter sources, the legal status of marine protected areas is defined not only a broader context, but also as an on-going process, with perspectives of

its development and individual framing, taking into account the oceanographical and ecological conditions of a concrete marine area which is qualified as specially protected. Secondly, almost universal recognition in legal teachings of a broad meaning of the term "marine protected areas" does not mean that designation of such areas is the most effective at the universal level. Though the first Intergovernmental Conference in September 2018 demonstrated the common intention of states to prepare at the universal level the Agreement on the conservation and sustainable use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction, no one expects a speedy conclusion of such an agreement, even of framework character. In this context it is concluded in the paper that more perspective are regional and bilateral levels of interaction of states concerned for designating marine protected areas, with more detailed consideration of the relevant oceanographical and ecological conditions of a particular marine region and special

character of shipping traffic in such a region. In practical terms, issues of interpretation and application of rules of international law on marine protected areas are very important for the relatively young practice of designating such areas in the Arctic, which is nevertheless very sensitive for each Arctic states as shown in the paper.

KEYWORDS: Marine Protected Areas, International Law of the Sea, International Environmental Law, Protection and Conservation of the Marine Environment, the Arctic Legal Regime, the Arctic Law, the Antarctic Legal Regime, Conservation of Marine Biodiversity, Marine Spatial Planning

FOR CITATION: Vylegzhanin A.N., Pushkareva E.F. Designation of Marine Protected Areas (issues of international law). – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 3. P. 22–46.

DOI: 10.24833/0869-0049-2019-3-22-46

1. Введение

В ряду приоритетных проблем охраны окружающей среды, в т.ч. обозначенных на уровне ООН [Соколова 2010: 214-269; Международное экологическое право... 2012: 474-491], именно предотвращение дальнейшего загрязнения Мирового океана, сохранение морского биоразнообразия [Вылегжанин 2001: 69-79], реализация ответственности государств за загрязнение морской среды [Сперанская 1984: 3-26] неизменно составляют актуальную тематику международно-правовых исследований, в т.ч. зарубежных [Churchile, Lowe 1999:328-399; Brown 1994: 336-416; Shaw 2017: 680-683]. И это объяснимо: по широко цитируемому вердикту Тура Хейердала, необратимо загрязненный, мертвый океан будет означать мертвую планету Земля.

Объяснимо и то, что в универсальной Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. ее Часть XII («Защита и сохранение морской среды») предусматривает широкий спектр правил, начиная с «общего обязательства» государств «защищать и сохранять морскую среду» (ст. 192), причем используя при этом «наилучшие практически

применимые средства» (ст. 194). Конвенция 1982 г. предусматривает обязательства о сотрудничестве государств (ст. 204–206); о правилах, нацеленных на предотвращение, сокращение и сохранение под контролем загрязнения морской среды из разных источников: находящихся на суше (ст. 207); на морском дне (ст. 208–209); с судов (ст. 211) и т.д. Разные конвенционные правила – в зависимости от источника загрязнения – в зарубежной международно-правовой литературе названы корректной организацией правовых норм – *ratione materiae*¹; а вот привязка этих правил к району загрязнения (территориальному морю, исключительной экономической зоне, открытому морю) – *ratione loci*² – является, по мнению Э.Д. Брауна, вторичной (*secondary*) [Brown 1994:336]. Такое толкование природоохранных норм Конвенции 1982 г. представляется не вполне корректным: права прибрежного государства по предотвращению загрязнения морской среды в его внутренних водах, например, несомненно, отличаются от его прав по предотвращению загрязнения в тех водах открытого моря, которые находятся над его континентальным шельфом, за пределами 200 морских миль от исходных ли-

¹ Лат.: «по обстоятельствам, связанным с предметом рассмотрения».

² Лат.: «по обстоятельствам, связанным с местом».

ний. Суверенитет прибрежного государства над внутренними водами и отсутствие такого над водами открытого моря – эти факторы имеют решающее значение при принятии прибрежным государством законов о предупреждении загрязнения морской среды. Так что и *ratione materiae*, и *ratione loci* в конкретном вопросе о допустимых нормативных мерах по предупреждению загрязнения морской среды или об ответственности за такое загрязнение могут иметь «первичное», а не «вторичное» значение.

К положениям Конвенции 1982 г. об особых районах, где требуется принятие специальных природоохранных мер (ст. 211), тоже могут быть предложены разнонаправленные комментарии, как будет показано ниже.

Задолго до Конвенции 1982 г. правила об особых районах для целей защиты морской среды именно от загрязнения нефтью были сформулированы еще в 1926 г., в *Вашингтонской конвенции*, так и не вступившей в силу (не набравшей необходимого числа ратификаций); согласно этому документу прибрежное государство вправе принимать законы, предусматривающие запрет или ограничения слива нефти в районе открытого моря, примыкающем к его территориальным водам, но ширина такого района не могла быть более 50 морских миль³. Комитет экспертов, созданный в 1934 г. Ассамблеей Лиги наций, подготовил *проект* другого документа – *международной конвенции по предотвращению загрязнения моря нефтью*; согласно этому документу допустимо установление запрета слива нефти в обозначенном районе открытого моря при его ширине до 100 морских миль. Но и этот проект не стал конвенцией: конференция Лиги наций не состоялась. Наконец, согласно *Международной конвенции по предотвращению загрязнения моря нефтью* 1954 г. с последующими поправками (далее – *Конвенция 1954 г.*) преднамеренный слив с судов нефти был запрещен во всем пространстве мирового океана, за исключением обозначенных в конвенции случаев, которых, впрочем, немало [Горшков, Мелков 1979: 24-26]. Конвенцию 1954 г. заменила *Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов* 1973 г., измененная *Протоколом 1978 г.*, действующая и в настоящее

время (далее – *Конвенция МАРПОЛ 1973/78*).

2. Конвенция МАРПОЛ 1973/78.

В контексте рассматриваемой темы Конвенция МАРПОЛ 1973/78 имеет значение прежде всего потому, что квалифицирует в качестве «особых районов» моря Средиземное, Черное, Балтийское, Красное, а также Персидский залив («Район заливов»). Понятие «особый район» определено в конвенции как «морской район, где по признанным техническим причинам, относящимся к его океанографическим и экологическим условиям и специфике перевозок, необходимо принятие особых обязательных методов предотвращения загрязнения моря нефтью» (Приложение I: «Правила предотвращения загрязнения нефтью»). Кроме того, во исполнение Приложения II к Конвенции МАРПОЛ 1973/78 («Правила контроля над загрязнением при перевозке ядовитых веществ наливом») нормы об особых районах действуют для целей принятия особых методов предотвращения загрязнения моря ядовитыми жидкими веществами: такие особые методы обеспечивают лучшую защиту морской среды, чем в иных морских районах. Во исполнение Приложения III к этой же конвенции («Правила предотвращения загрязнения вредными веществами, перевозимыми морем в упаковке, грузовых контейнерах, съемных танках или в автодорожных и железнодорожных цистернах») нормы об особых районах действуют для целей принятия особых правил о предотвращении загрязнения морской среды мусором. Поясним, что согласно п. 2 ст. 2 Конвенции установленные ею правила означают те, «которые предусмотрены в Приложениях к настоящей Конвенции»⁴.

3. Классификация Международным союзом охраны природы «охраняемых территорий»

Существенным вопросом совершенствования порядка создания охраняемых природных районов и управления ими является их классификация. Она может быть – применительно к морским охраняемым районам при соответствующей адаптации – осуществлена с учетом той

³ Морская миля равна 1852 м.

⁴ В соответствии со ст. 20 Конвенции МАРПОЛ 1973/78 ее аутентичными текстами являются ее тексты на английском, испанском, русском и французском языках. Англоязычный текст Конвенции опубликован, например, в сборнике международных природоохранных документов: *International Environmental Law. Primary Materials*. Ed. by M.R. Molitor. Deventer. Boston. 1991. P. 379–388.

классификации охраняемых территорий, которая разработана в рамках *Международного союза охраны природы* (далее – МСОП) в 1994 г. и обновлена в 2008 г. документом МСОП «*Правила по применению категорий для целей управления охраняемыми территориями*»⁵. В настоящее время рекомендации, предложенные в данном документе, уже используются на практике государствами и международными организациями. В Правилах МСОП «охраняемая территория» определяется как «четко определенный географический район, признанный и управляемый посредством правовых или иных эффективных мер с целью достижения долговременной охраны природы и соответствующих экосистемных услуг и культурных ценностей». В документе МСОП определены далее категории охраняемых районов, которые отличаются друг от друга содержанием целевых параметров управления определенной территорией, а также уровнем природоохранных запретов (по отношению к деятельности человека) на данной территории.

I. Первая из шести категорий охраняемых природных территорий делится на две рубрики: 1a и 1b. При этом в рубрике «1a» обозначен «строгий природный резерват», то есть участок с «нетронутой природой» (“*Strict Nature Reserve*”); в нем защита природы, поддержание естественного развития окружающей среды, вообще не затронутой антропогенной деятельностью, представляет интерес для научных целей, экологического наблюдения, природоохранного обучения, сохранения генетических ресурсов в естественном развитии.

В рубрике «1b» рассматриваемого документа МСОП обозначена «Территория дикой природы (*Wilderness area*)», то есть охраняемая территория, управляемая главным образом для сохранения «*девственной природы*», не затронутой промышленной или сельскохозяйственной деятельностью человека. Правовая классификация района в качестве «территории дикой природы» нацелена на охрану ненарушенных экосистем, проведение научных исследований, прежде всего экологического мониторинга, а также на жестко лимитируемую рекреационную деятельность. В строго ограниченных, экологически обоснованных масштабах допускается использование природных ресурсов такой территории «аборигенным населением».

Остальные категории – от II до VI – обозначены в документе МСОП так.

II. *Национальный парк* (“*National park*”) – служит для сохранения природной территории, в том числе международного значения, в научных, образовательных и рекреационных целях. Категория создана для охраны общенационального или мирового природного и историко-культурного достояния, а также для развития различных видов экотуризма (в регламентированных и научно обоснованных масштабах), природоохранного просвещения, проведения научных исследований и экологического мониторинга; с учетом нужд местного населения допускается на такой охраняемой территории жестко лимитируемое использование отдельных видов природных ресурсов.

III. *Природный памятник* (“*Natural Monument*”) – правовая квалификация района в качестве такой охраняемой территории служит для защиты и сохранения национальных природных достопримечательностей в силу их уникальности или признанных особенностей.

IV. *Район управления местом обитания флоры и фауны* (“*Habitat/Species Management Area*”) – посредством такой категории создается природный заповедник, содержащий участки дикой природы, который служит для поддержания биологического разнообразия, управления природными процессами в целях эффективного сохранения местообитаний различных видов растений и животных, для приумножения их численности, осуществления научных исследований, экологического мониторинга, работы по природоохранному просвещению, образованию, а также туризма. Местному населению разрешается контролируемая хозяйственная деятельность. Кроме того, здесь могут отсутствовать ограничения на такую деятельность, осуществление которой не влияет на существование охраняемого биологического вида.

V. *Охраняемые морские акватории* (“*Protected Seascape*”) – согласно рассматриваемому документу МСОП служат для сохранения отдельных природных объектов, объектов культурного наследия, развития рекреации, проведения научных исследований и экологического мониторинга; при этом на такой акватории осуществляется традиционная экономическая деятельность в экологически приемлемых формах и масштабах;

⁵ Guidelines for Applying Protected Area Management Categories. IUCN, 2008. URL: https://cmsdata.iucn.org/downloads/guidelines_for_applying_protected_area_management_categories.pdf (accessed date: 08.06.2019).

особое внимание уделяется поддержанию уровня жизни населения в прибрежных районах, экологизации хозяйственной деятельности местного населения.

VI. *Охраняемая территория с устойчивым использованием природных ресурсов* ("Protected Area with Sustainable Use of Natural Resources") – по замыслу составителей документа МСОП, этот вид особого природоохранного района нацелен на поддержание биологического и ландшафтного разнообразия, устойчивости параметров природной среды при рациональном использовании природных ресурсов. Поддержание местной экономики посредством развития экологически безопасных направлений природопользования, проведение научных исследований и мониторинг состояния окружающей среды – такова стержневая рекомендованная деятельность на данной территории.

4. Толкование положений Конвенции 1982 г. об особых морских районах

В ст. 211 Конвенции 1982 г. («Загрязнение с судов») предусмотрено право прибрежного государства инициировать создание в пределах его исключительной экономической зоны особого природоохранного района. Эта статья сама по себе представляет, как отмечено в Комментарий к Конвенции 1982 г., компромисс между: а) требованиями прибрежных государств об установлении «более строгого режима (*a more stringent regime*) защиты морской среды» и б) противодействием со стороны государств, имеющих большой торговый флот, правовой политике, когда под природоохранным предлогом в морском праве формируются чрезмерные требования прибрежных государств, например, к конструкции судов [United Nations Convention...1990:200].

Толкование статьи 211 Конвенции 1982 г., на первый взгляд, трудностей не вызывает. Общее правило состоит в том, что юридические предписания о предотвращении загрязнения морской среды с судов устанавливаются государствами «через компетентную международную организацию» (это – ИМО) или «общую дипломатическую конференцию» (п. 1 ст. 211), то есть посредством многосторонних договоренностей. Впрочем, хотя в Конвенции 1982 г. об этом ничего не сказано, но в силу общего международного права нет запрета и на установление двумя соседними прибрежными государствами специальных правил о предотвращении загрязнения морской

среды; тем более что практика заключения двусторонних природоохранных соглашений развивается.

Но вот когда природоохранные нормы и стандарты, установленные ИМО или на дипломатической конференции, «не отвечают особым условиям» в конкретном морском районе исключительной экономической зоны, тогда и возникает основание обозначить в пределах такой зоны особый охраняемый район. В соответствии с Конвенцией 1982 г. предусмотрен следующий порядок создания особого природоохранного района (п. 6 ст. 211). Если прибрежное государство имеет «разумные основания» считать, что четко обозначенная часть его исключительной экономической зоны представляет собой такой район, в котором по «признанным техническим причинам, связанным с океанографическими и экологическими условиями», а также с экономическим использованием этого района или защитой его природных ресурсов и с особым характером движения судов в таком районе, требуется принятие «специальных мер для предотвращения загрязнения с судов», то такое прибрежное государство может «после соответствующих консультаций» направить в отношении такого района «сообщение» в адрес компетентной международной организации (т.е. ИМО), представляя «научные и технические доказательства» в поддержку такого сообщения, а также «информацию о необходимых приемных устройствах». Уточним, во-первых, что это право, а не обязанность прибрежного государства. Во-вторых, что в данной статье речь не идет о районах исключительной экономической зоны, покрытых льдом в течение большей части года. Природоохранные законы и правила прибрежного государства в покрытых льдом районах его исключительной экономической зоны не требуют согласования с ИМО; они принимаются прибрежным государством самостоятельно, в соответствии со статьей 234.

В рассматриваемом случае в течение 12 месяцев после получения ИМО упомянутого выше сообщения прибрежного государства эта международная организация определяет, соответствуют ли условия в данном районе вышеизложенным требованиям. Если такое определение выносится, то прибрежное государство может принять в отношении этого района запрошенные предписания для предотвращения загрязнения с судов, его сокращения и сохранения под контролем. Но имплементация таких природоохранных пред-

писаний осуществляется прибрежным государством опять-таки лишь в отношении тех, которые признаются ИМО «применимыми к особым районам». Более того, предусмотрено дополнительное время для подготовки к применению таких особых предписаний: названные особые природоохранные законы и правила прибрежного государства становятся применимыми к иностранным судам лишь по истечении пятнадцати месяцев после упомянутого сообщения.

Конвенция 1982 г. предусматривает обязанность прибрежного государства опубликовывать границы любого такого «определенного, четко обозначенного» особого района (п. 6 ст. 211). Понятно, что в духе сотрудничества границы таких охраняемых морских районов будут, как предполагается, публиковаться и государства, не являющиеся участниками Конвенции 1982 г.

Далее, если прибрежное государство намерено принять в отношении этого района дополнительные природоохранные законы и правила, то оно уведомляет об этом ИМО. Такие дополнительные законы и правила, согласно Конвенции 1982 г., «могут затрагивать сброс или практику мореплавания, но не должны требовать от иностранных судов соблюдать стандарты проектирования, конструкции, комплектования экипажа или оборудования», которые отличались бы от «общепринятых» международных норм и стандартов; кроме того, такие дополнительные правила становятся применимыми в отношении иностранных судов через 15 месяцев после представления прибрежным государством упомянутого сообщения в адрес ИМО, при условии, что эта организация «даст на это свое согласие в течение двенадцати месяцев после представления упомянутого сообщения» (п. 6 ст. 211 Конвенции 1982 г.).

5. Клаузула об охраняемых районах, предусмотренная в Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.

По смыслу ст. 2 Конвенции 1992 г., объект этого рамочного международного договора составляют три основных элемента: а) разнообразие биологических видов; б) генетическое разнообра-

зие между видами; в) разнообразие экосистем. Сохранению всех этих составляющих биоразнообразия способствует установление *охраняемых районов*, как морских, в т.ч. удаленных от берега, так и прибрежных, включающих и участки суши. В соответствии с Конвенцией 1992 г. «морским и прибрежным охраняемым районом является любой обозначенный район, относящийся к акватории или прилегающий к ней, включая покрывающую его воду, а также флору, фауну, исторические и культурные особенности этого района, который был установлен соответствующими правовыми или иными эффективными средствами, включая обычай, в целях сохранения ее биоразнообразия и повышения эффективности охраны данной территории от загрязнения»⁶. В 1995 г. на второй конференции государств – участников Конвенции о биологическом разнообразии было решено, что одним из приоритетов реализации Конвенции 1992 г. должно стать сохранение морского биоразнообразия. В 1996 г. очередная конференция приняла «Джакартский мандат на морское и прибрежное биологическое разнообразие (*Jakarta Mandate on Marine and Coastal Biological Diversity*)», нацеленный прежде всего на механизмы комплексного управления прибрежными зонами и реализацию «осторожного подхода (*precautionary approach*)» [Churchill, Lowe 1999:394].

6. Международная морская организация (ИМО)

В 1991 г. Ассамблея ИМО приняла резолюцию, которая содержала свод правил для определения «особых районов (*Special Areas*)» и «особо чувствительных морских районов (*Particularly Sensitive Sea Areas*)»⁷. Некоторые авторы считают, что под особыми районами понимались те, в отношении которых Конвенцией МАРПОЛ 1973/78⁸ предусмотрены более жесткие (по сравнению с иными) меры защиты морской среды [Roberts 2005]. Такое отождествление дискусионно: «особые районы», установленные согласно Конвенции МАРПОЛ 1973/78, предусматривают более строгие правила, нацеленные только против загрязнения моря нефтью (и нефтесодержа-

⁶ CBD COP 7. Decision VII/5. URL: <https://www.cbd.int/decision/cop/?id=7742> (accessed date: 18.06.2019).

⁷ Guidelines for the Designation of Special Areas and the Identification of Particularly Sensitive Sea Areas. 1991. URL: [http://www.imo.org/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/Assembly/Documents/A.720\(17\).pdf](http://www.imo.org/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/Assembly/Documents/A.720(17).pdf) (accessed date: 18.06.2019).

⁸ MARPOL – 1973 International Convention for the Prevention of Pollution from Ships. URL: [http://www.mar.ist.utl.pt/mventura/Projecto-Navios-I/IMOConventions%20\(copies\)/MARPOL.pdf](http://www.mar.ist.utl.pt/mventura/Projecto-Navios-I/IMOConventions%20(copies)/MARPOL.pdf) (accessed date: 18.06.2019).

щими загрязнителями); упомянутый документ ИМО предусматривает понятие «особый район», соответствующее рассмотренному выше одноименному понятию Конвенции 1982 г. А последнее не ограничивается природоохранными мерами лишь против загрязнения нефтью.

По смыслу рассматриваемого документа ИМО, «особо чувствительные морские районы» – это те морские районы, которые требуют повышенной природоохранной защиты посредством действий ИМО в связи со специальными экологическими, социально-экономическими или научными причинами и которым может быть причинен ущерб в результате масштабного судоходства в этих морских пространствах [Roberts 2007: 8-10].

Первым «особо чувствительным морским районом» ИМО обозначила Большой Барьерный риф; он расположен во внутренних морских водах, территориальном море, а также в исключительной экономической зоне Австралии. В соответствии с требованиями ИМО суда тоннажем свыше 500 брутто-регистрационных тонн не должны входить в этот «особо чувствительный» район. Кроме того, в данном морском районе суда должны руководствоваться специально разработанной Австралией системой регулирования маршрутов судоходства, включая ее правила о лоцманской проводке. ИМО впоследствии обозначила более 15 особо чувствительных морских районов; в процессе рассмотрения находятся еще заявки из ряда государств на создание таких охраняемых морских районов, в том числе из Малайзии, Филиппин, Мавритании, Вьетнама [Chircop 2018: 194-195].

С точки зрения ИМО, проблемой, возникающей при определении границ морских охраняемых территорий, является отсутствие достаточного количества знаний о Северном Ледовитом океане⁹. В этой связи объяснимы инициативы касательно новых морских научных исследований в Арктическом регионе. О необходимости сотрудничества по организации комплексных международных научно-исследовательских экс-

педиций для изучения окружающей среды, в том числе ледовой обстановки, уровня загрязнения морских вод, морских экосистем, выявления масштабов влияния на них наблюдаемых и прогнозируемых климатических изменений, говорится и в национальных политико-правовых актах¹⁰. Известна и инициатива создания *Международной организации по научным исследованиям Северного Ледовитого океана*; по мнению, высказанному в *Российском совете по международным делам*, такая организация позволит на основании инвестиционного и профессионального партнерства привлекать к морским научным исследованиям и неарктические государства¹¹.

7. Протоколы об особо охраняемых районах, принятые к конвенциям ЮНЕП о региональных морях

Первым из таких документов Программы ООН по окружающей среде стал Протокол об особо охраняемых районах Средиземноморья (*Protocol on Mediterranean Specially Protected Areas*), принятый в 1982 г. Протокол применим к особо охраняемым районам, устанавливаемым его сторонами в своем территориальном море, а также в тех «подтапливаемых землях и прибрежных районах (*wetlands and coastal areas*)», которые обозначены сторонами (ст. 2). Предусмотрено обязательство государств – участников Протокола устанавливать, «насколько возможно (*to the extent possible*)», охраняемые районы для защиты «мест биологической и экологической ценности (*biological and ecological value*)»; для сохранения генетического разнообразия и удовлетворительного уровня пополнения видов; для защиты мест их обитания; для сохранения «репрезентативных типов экосистем (*representative types of ecosystems*)»; для поддержания естественных экологических процессов (ст. 3). Стороны обязаны принимать необходимые меры по защите таких районов, включая предупреждение загрязнения, регулирование судоходства и рыболовства в таких районах (ст. 7).

⁹ Норвежское агентство по охране окружающей среды в своем решении отмечает неопределенность экологического статуса некоторых районов, в том числе в Баренцевом море, и недостаточность знаний в отношении этих районов [Johansen 2018:262-263].

¹⁰ См., например: Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Утверждена Президентом РФ в 2013 г. П.17 (и). Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/499002465> (дата обращения: 18.06.2019).

¹¹ РСМД и WWF России провели обсуждение арктической проблематики. – Российский совет по международным делам. 21 июня 2019 г. Доступ: <https://russiancouncil.ru/news/rsmd-i-wwf-rossii-proveli-obsuzhdenie-arkticheskoy-problematiki/> (дата обращения: 22.06.2019).

В соответствии с пересмотренным Протоколом по Средиземному морю (1995 г.) предусматривается создание «особо охраняемых районов средиземноморской значимости (*Specially Protected Areas of Mediterranean Importance*)». Сделан акцент на составление планов управления такими районами; предусматриваются меры защиты не только прибрежных и приморских экосистем в целях их длительного жизнеобеспечения, но и специально тех районов, которые являются местом обитания эндемиков, а также видов, находящихся под угрозой исчезновения. Более того, в отличие от Протокола 1982 г., охраняемые районы согласно Протоколу 1995 г. могут устанавливаться частично или полностью в открытом море (ст. 9). Подчеркивается, что установление охраняемых районов должно быть усилено мерами, направленными против загрязнения с суши, сброса отходов, нерегулируемой разведки и разработки минеральных ресурсов морского дна.

При обозначении охраняемых районов государства опираются и на иные региональные соглашения: *Протокол о сохранении находящихся под защитой приморских и прибрежных районов в Юго-Восточной части Тихого океана и управлении ими* (1989 г.); *Протокол о сохранении находящихся под защитой районов и животного мира в Карибском море* (1990 г.) и др.¹²

8. Иные примеры договорной практики государств

Международная договорная практика обозначила установление разных по форме охраняемых морских районов: тех, в которых запрещены или ограничены какие-то определенные виды морской деятельности; тех, в которых возможны такие запреты или ограничения; предусмотрено и создание буферных зон – по периметру районов, находящихся под защитой. Так, согласно

*Рамсарской Конвенции 1971 г.*¹³ уже обозначено около тысячи охраняемых районов, из которых более трети включают как морской, так и береговой компоненты. Особое значение Конвенция придает трансграничным аспектам данной проблемы. Кроме того, в соответствии с положениями *Конвенции о защите всемирного культурного и природного наследия 1972 г.*¹⁴ создано порядка ста объектов природного наследия, 14 из которых имеют морскую часть. Большое значение в этом контексте имеет *Конвенция об охране подводных культурных ценностей 2001 г.*¹⁵ Согласно п. 31 (с) «Плана выполнения решений Всемирного Саммита по устойчивому развитию» 2002 г. необходимо развивать и совершенствовать использование различных подходов и методов «с целью создания морских охраняемых территорий в соответствии с международным правом».

9. Проект Соглашения о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами национальной юрисдикции

В п. 14(5) документа – «Цели устойчивого развития» 2016 г. «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» – определено, что к 2020 году следует охватить морскими охраняемыми территориями по крайней мере 10 процентов прибрежных и морских районов в соответствии с национальным законодательством и международным правом, на основе «наилучшей имеющейся научной информации». Согласно имеющимся данным, эта рекомендация не будет выполнена к 2020 г.: развитие сети морских охраняемых территорий происходит медленнее, чем прогнозировалось¹⁶. Но обозначена и позитивная перспектива: на Конференции по океанам 2017 г. несколько государств заявили о работе по увеличению морских охраняемых территорий в пределах их юрисдикций (в числе таких госу-

¹² С региональными соглашениями по защите морской среды можно ознакомиться на официальной странице Программы ЮНЕП по региональным морям. URL: <http://web.unep.org/regionalseas/> (accessed date: 10.06.2019).

¹³ Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц, 1971 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/waterfowl.shtml (дата обращения: 11.06.2019).

¹⁴ Конвенция о защите всемирного культурного и природного наследия 1972 г. Доступ: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 11.06.2019).

¹⁵ Конвенция об охране подводных культурных ценностей 2001 г. Доступ: http://www.unesco.org/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/FAQ_ru.pdf (дата обращения: 11.06.2019).

¹⁶ 2017 HLPF Thematic review of SDG 14: Conserve and sustainably use the oceans, seas and marine resources for sustainable development. P. 3. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/14375SDG14format-revOD.pdf> (accessed date: 11.06.2019).

дарств Аргентина, Канада, Чили, Греция, Израиль, Италия, Испания)¹⁷.

В настоящее время вопрос о создании морских охраняемых районов за пределами национальной юрисдикции и управлении ими рассматривается в рамках ООН. В 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 69/292 «Разработка на базе Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву международного юридически обязательного документа о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции»¹⁸. С 4 по 17 сентября 2018 г. прошла первая сессия Межправительственной конференции (Intergovernmental Conference) по рассмотрению данного вопроса; а с 25 марта по 5 апреля 2019 г. – вторая такая сессия. По ее итогам делегации государств-участников поручили председателю Межправительственной конференции подготовить документ для того, чтобы делегации в будущем могли провести переговоры по тексту будущего международного соглашения. 25 июня 2019 г. председателем Межправительственной конференции подготовлен такой документ (только на английском языке): «Advance, unedited version (English only). 22 June 2019 (corr.)». Понятно, что это – текст, еще не согласованный и что преждевременно его анализировать. Отметим только два правовых нововведения, уже отраженные в данном документе. Во-первых, предлагается одним из ключевых предусмотреть в нем термин «пространственно обозначенный инструмент управления (*area-based management tool*)». Он определен как «инструмент для географически очерченного района, иного, чем морской охраняемый район (*other than a marine protected area*)». Во-вторых, в документе предусмотрено, что меры сохранения и устойчивого поддержания морского биологического разнообразия распространяются не

только на районы «открытого моря (*high seas*)», но также и на *дно мирового океана за пределами континентального шельфа*, имеющего для государств – участников Конвенции 1982 г. специальный правовой режим, отличающийся от режима дна открытого моря по смыслу Конвенции об открытом море 1958 г. Тем самым в документ председателя конференции заложено изменение в будущем правового режима морского дна за пределами континентального шельфа (по сравнению с действующим морским правом). Но этот вопрос требует отдельного исследования.

10. Воды Антарктики

*Мадридский Протокол по охране окружающей среды 1991 г. к Договору об Антарктике 1959 г.*¹⁹ (далее – Протокол 1991 г.) обозначает статус Антарктики как международного природного заповедника, предназначенного для мира и науки, предусматривая разносторонние меры охраны окружающей среды южного полярного региона. Протокол 1991 г. определяет весь район действия *Договора об Антарктике*²⁰ как «природный заповедник, предназначенный для мира и науки». Положения Протокола 1991 г. следует толковать в контексте всей системы Договора об Антарктике, как она определена применимыми международными договорами. Некоторые из них также содержат положения о морских охраняемых районах, прежде всего в ст. 9 *Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г.*²¹ В таком же контексте в правовой литературе часто отмечают природоохранные положения *Международной конвенции о регулировании китобойного промысла 1946 г.*²² (Статьи 4 и 5) и *Конвенции МАРПОЛ 1973/78*²³ (Приложения I, II, V). Согласно Приложению II к МАРПОЛ, например, район Антарктики отнесен к числу «особых районов». Некоторые авторы считают, что ре-

¹⁷ Конференция по океану 2017 г. Доступ: <https://www.un.org/ru/conf/ocean/> (дата обращения: 18.06.2019).

¹⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 69/292. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/292> (дата обращения: 18.06.2019).

¹⁹ Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991 г. Доступ: https://www.ats.aq/documents/recatt/Att006_r.pdf (дата обращения: 17.06.2019).

²⁰ Договор об Антарктике 1959 г. Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/1901494> (дата обращения: 17.06.2019).

²¹ Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г. Доступ: <https://www.ccamlr.org/ru/system/files/r-pt1.pdf> (дата обращения: 17.06.2019).

²² 1946 International Convention for the Regulation of Whaling URL: <http://library.arcticportal.org/1863/1/1946%20IC%20for%20the%20Regulation%20of%20Whaling-pdf.pdf> (accessed date: 17.06.2019).

²³ MARPOL – 1973 International Convention for the Prevention of Pollution from Ships. URL: [http://www.mar.ist.utl.pt/mventura/Projecto-Navios-I/IMO-Conventions%20\(copies\)/MARPOL.pdf](http://www.mar.ist.utl.pt/mventura/Projecto-Navios-I/IMO-Conventions%20(copies)/MARPOL.pdf) (accessed date: 17.06.2019).

жим особо охраняемых морских районов в этом регионе особенно усиливает Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г., предусматривая разработанную основу регионального сотрудничества по управлению морскими живыми ресурсами в антарктических водах [Rose, Milligan 2009:41]. Действительно, в соответствии со статьей 9 Конвенции 1980 г. Комиссия по сохранению морских живых ресурсов Антарктики осуществляет меры по «определению открытых и закрытых зон, районов или подрайонов для целей научного изучения или сохранения, включая особые зоны охраны и научного изучения» (курсив наш. – А.В., Э.П.).

Согласно Приложению II к Конвенции МАРПОЛ 1973/78 район Антарктики относится к числу особых районов. Правило 5 этого документа содержит специальные ограничения сброса в море загрязняющих веществ. Например, запрещается любой сброс вредных жидких веществ или смесей, содержащих такие вещества, в районе Антарктики. Запрещается сброс в море веществ категории А или балластных вод, промывочных вод или иных остатков или смесей, содержащих такие вещества. Кроме того, отмечено, что основным источником загрязнения в Антарктике являются случайные разливы нефтепродуктов, что особенно касается операций по снабжению антарктических станций топливом [Лукин, Клоков, Помелов 2002:33]. Поэтому в Приложении 4 Протокола 1991 г. к Договору об Антарктике содержатся требования по профилактике и организации быстрой локализации и ликвидации возможного разлива. Далее, любой сброс нефти или нефтесодержащей смеси запрещен, за исключением случаев, предусмотренных Приложением 1 к Конвенции МАРПОЛ 1973/78 (ст. 3 Приложения 4 Протокола). Разрешается сброс в море пищевых отходов, пропущенных через измельчитель, при условии, чтобы такой сброс, за обозначенными исключениями, производился не ближе 12 морских миль от ближайшего берега или шельфового ледника (ст. 5 Приложения 3 Протокола). Эти ограничения, однако, не применяются в чрезвычайных ситуациях, связанных с безопасностью судна и находящихся на его борту людей или спасанием человеческой жизни на море (ст. 7 Приложения 3 Протокола).

Создание в антарктических водах особых районов в соответствии с Конвенцией МАРПОЛ 1973/78 не рассматривается как конкуренция тем морским охраняемым районам, которые устанавливаются в рамках Конвенции о сохране-

нии морских живых ресурсов Антарктики или Мадридского протокола об охране окружающей среды 1991 г.; на практике согласно Конвенции МАРПОЛ 1973/78 вводятся пространственно обозначенные ограничительные меры в отношении конкретных морских районов, причем действующие и для судов государств, которые не участвуют, скажем, в Протоколе 1991 г. Это особенно важно для природоохранного регулирования судоходства, в том числе осуществляемого круизными, туристическими судами, количество которых в антарктических водах с каждым годом увеличивается.

На таком эколого-правовом фоне, с учетом уникальности морских экосистем Антарктики, государства повышают усилия по созданию здесь морских охраняемых районов: и в рамках Комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики, и в формате Консультативных совещаний государств – участников Договора об Антарктике обозначена необходимость создания сети морских охраняемых районов и даже достигнут некоторый прогресс в ее создании. В соответствии с Приложением 5 к Протоколу 1991 г. любой район может быть определен как «антарктический особо охраняемый район» или «антарктический особо управляемый район». Экономическая деятельность в таких районах ограничивается, или запрещается, или управляется в соответствии с Планом управления, принимаемым согласно названному Приложению. Статус «антарктического особо охраняемого района» может быть присвоен любому району в целях охраны исключительно важных экологических, научных, исторических, эстетических или «первозданных» природных ценностей. Доступ в такой район предоставляется в соответствии с разрешением, выданным национальным органом власти соответствующего государства и согласно Плану управления. «Антарктическим особо управляемым районом» может быть определен любой район в этом регионе в целях координации деятельности, сотрудничества и сведения к минимуму негативного воздействия на окружающую среду. Для доступа в такой район разрешение не требуется, однако деятельность в нем регулируется Кодексом поведения, установленным в соответствии с Планом управления.

«Особо управляемый район Антарктики» устанавливается в целях содействия предотвращению возможных конфликтов в связи с его экономическим или научным использованием и по смыслу, придаваемому Секретариатом Договора

об Антарктике, может включать те районы, в которых деятельность ряда лиц создает риск взаимного негативного природоохранного влияния или кумулятивных экологических воздействий, а также те, в которых наличествуют участки или памятники признанной экологической ценности. Особо управляемые районы могут включать в себя и особо охраняемые районы. К настоящему времени в Антарктике создано более 70 особо охраняемых районов, но всего 7 особо управляемых районов.

Комитет по охране окружающей среды, созданный в соответствии с Протоколом 1991 г., организует предоставление консультаций сторонам Договора об Антарктике по вопросам функционирования охраняемых районов Антарктики. С 1998 года Комитет посвятил значительную часть своих обсуждений теме управления охраняемыми районами в Антарктике, по их итогам приняв такие документы, как: «Пересмотренное Руководство по подготовке Планов управления Особо охраняемыми районами Антарктики», 2011²⁴; «Руководство по осуществлению системы формирования охраняемых районов, обозначенных в Статье 3 Приложения V к Протоколу по охране окружающей среды», 2000 г.²⁵ В 2008 году Консультативное совещание государств – участников Договора об Антарктике определило, что принятый в 2007 г. документ «Анализ экологических доменов для антарктического континента»²⁶ должен использоваться (вместе с другими документами, согласованными в рамках системы Договора об Антарктике) в целях выявления тех районов, которые могут быть определены как «антарктические особо охраняемые районы». Названный документ – «Анализ

экологических доменов для антарктического континента» – подразделяет Антарктиду на 21 отдельный район на основе данных о биоразнообразии. В 2012 году Консультативное совещание Договора об Антарктике аналогичным образом определило, что защищаемые биогеографические районы Антарктики²⁷ включают 15 биологически отличающихся районов, свободных от ледяной «шапки»; эти районы охватывают практически всю свободную ото льда территорию к югу от параллели 60° южной широты. В 2009 г. в соответствии с Конвенцией о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г. был учрежден первый морской охраняемый район в открытом море в антарктическом регионе, а именно – воды над южным шельфом Южных Оркнейских островов (площадью более 90 тыс. км²).

В 2011 г. в соответствии со ст. 9 Конвенции 1980 г. Комиссия по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (далее также – Комиссия АНТКОМ) приняла документ под названием «Общая мера по сохранению 91-04» – «Общая система для создания морских охраняемых районов АНТКОМ»²⁸. Данный документ принят на основании предложения, внесенного Австралией в 2010 г., с длинным названием «Предложения об общей мере по сохранению, касающейся создания в АНТКОМ к 2012 г. репрезентативной системы антарктических морских охраняемых районов, включая необходимую структуру управления, которая будет применяться к репрезентативной системе в будущем» (CCAMLR-XXIX/38 Rev. 1)²⁹. Принятая Комиссией АНТКОМ вышеупомянутая «Общая система», являясь правилом обязательного характера (согласно ст. 9 Конвенции 1980 г.)³⁰, обеспечивает основу согласованных

²⁴ Руководство по подготовке Планов управления Особо охраняемыми районами Антарктики. Доступ: http://www.ats.aq/documents/recatt/att477_r.pdf (дата обращения: 18.06.2019).

²⁵ Руководство по осуществлению системы формирования охраняемых районов, описанных в Статье 3 Приложения V к Протоколу по охране окружающей среды. Доступ: http://www.ats.aq/documents/recatt/att081_r.pdf (дата обращения: 18.06.2019).

²⁶ Анализ экологических доменов антарктического континента. Версия 2.0, 2007. Доступ: http://www.ats.aq/documents/recatt/att408_r.pdf (дата обращения: 18.06.2019).

²⁷ Защищаемые биогеографические районы Антарктики. Доступ: http://www.ats.aq/documents/recatt/att500_r.pdf (дата обращения: 18.06.2019).

²⁸ Conservation Measure 91-04 (2011) "General framework for the establishment of CCAMLR marine protected areas". URL: <https://www.ccamlr.org/en/measure-91-04-2011> (accessed date: 18.06.2019).

²⁹ Подробнее см.: Предложение об общей мере по сохранению в целях реализации к 2012 г. морских охраняемых районов в зоне АНТКОМ, включая необходимую в мерах по сохранению структуру управления, которая в будущем будет регулировать МОР в АНТКОМ. Доступ: <https://www.ccamlr.org/ru/node/68399> (дата обращения: 12.06.2019).

³⁰ Согласно статье 9 Конвенции меры по сохранению становятся обязательными для всех государств – членом Комиссии по истечении 180 дней после уведомления; если в течение 90 дней после уведомления государство – член Комиссии уведомит Комиссию о том, что оно не может принять, полностью или частично, данную меру по сохранению, такая мера не становится в указанной степени обязательной для этого члена Комиссии.

действий, касающихся создания морских охраняемых районов в рамках Конвенции, управления ими и контроля, нацеливая на формирование прозрачной основы создания системы таких районов. «Общая система» предусматривает, что морские охраняемые районы создаются Комиссией АНТКОМ на основе наилучшей имеющейся научной информации и с учетом всех положений Статьи II Конвенции, согласно которой «сохранение биоресурсов» включает их «рациональное использование», и содействуют достижению заявленных целей (п. 2 документа). *Большие морские заповедники* учреждены в районах под национальной юрисдикцией, например, в водах вокруг о. Южная Георгия, о. Принс-Эдуард. В целом район действия Конвенции 1980 г. подразделяется на девять *областей планирования морских охраняемых районов*. «Области планирования», в свою очередь, служат своего рода международным административным механизмом определения будущего района с учетом географических особенностей и предыдущей экономической и научной деятельности в нем.

Вопрос о квалификации конкретного морского района как охраняемого – чувствительный с точки зрения национальных интересов государств – участников Конвенции 1980 г. В качестве дискуссионного примера такой квалификации можно привести «область 8», которая включает *промысловый район в море Росса*. Предложение о создании морского охраняемого района в море Росса (в районе традиционного промысла российских рыбаков) представлялось в Комиссии АНТКОМ начиная с 2011 г., в соответствии с рекомендациями Научного комитета [Jabour, Smith 2018:190-193]. При подготовке позиции России в Комиссии Росрыболовство выступило против названного предложения западных государств – членов АНТКОМа. Руководство МИДа не согласилось, однако, с Росрыболовством, и в октябре 2016 года Комиссия в отсутствие возражения российского представителя приняла решение о создании морского охраняемого района площадью 1,55 млн км² в море Росса³¹. Оно вступило в силу в декабре 2017 г. В Приложениях к этому документу разработаны планы по управлению,

научным исследованиям, а также мониторингу в данном районе.

В 2017 году *Комиссия по сохранению морских живых ресурсов Антарктики* приняла Общую меру по сохранению 24-04 «Создание ограниченных по времени особых районов научных исследований во вновь обнажившихся морских районах после отступления или разрушения шельфового ледника»³². Согласно этому документу «особые районы научных исследований» могут выделяться в любых вновь обнажившихся морских районах после отступления или разрушения шельфового льда, ледника или ледникового языка (п. 1). Государствам – членам Комиссии предлагается проводить научно-исследовательскую деятельность в «особых районах научных исследований», в частности, направленную на понимание экосистемных процессов в связи с изменением климата (п. 13), причем и связанную с промыслом морских живых ресурсов (п. 14), и не связанную с таким промыслом (п. 15). В «особых районах научных исследований» согласно п. 17 не проводится никакой деятельности по перегрузкам с судна на судно уловов рыбы или иных грузов (за исключением случаев, когда суда оказывают экстренную помощь, при наличии угрозы жизни людей в море; или когда выполняются поисково-спасательные операции или предотвращают чрезвычайную экологическую ситуацию); не производится сброс каких-либо видов отходов промысловыми судами (п. 16); судам, проходящим транзитом, предлагается информировать Секретариат АНТКОМ о планируемом ими транзите до захода в любой «особый район научных исследований» (п. 18). При этом согласно пункту 12 промысел морских живых ресурсов может проводиться в «особом районе научных исследований» только в соответствии с применимыми правовыми нормами. Информация обо всех «особых районах научных исследований» передается Консультативному совещанию государств – участников Договора об Антарктике, которому предлагается решить, следует ли ему принимать в рамках его компетенции какие-либо меры (п. 24).

Таким образом, существует несколько правовых оснований создания морских охраняемых

³¹ См.: CCAMLR to create world's largest Marine Protected Area. URL: <https://www.ccamlr.org/en/news/2016/ccamlr-create-worlds-largest-marine-protected-area> (accessed date: 17.06.2019).

³² Conservation Measure 24-04 (2017) "Establishing time-limited Special Areas for Scientific Study in newly exposed marine areas following ice-shelf retreat or collapse in Statistical Subareas 48.1, 48.5 and 88.3". URL: <https://www.ccamlr.org/en/measure-24-04-2017> (accessed date: 17.06.2019).

районов в Антарктике, не всегда гармонизированных. Например, установленные Международной конвенцией о регулировании китобойного промысла 1946 г. охранительные зоны в Южном и Индийском океанах не вполне согласуются с целостным применением Протокола 1991 г. Вопрос о более координированном исполнении международных договоров касательно их применения в антарктических водах активно обсуждается государствами [Milligan 2013:574]. Потенциал улучшения такой координации заложен, как представляется, в совершенствовании работы *Комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики*. Комиссия АНТКОМ вправе сотрудничать и с межправительственными, и с неправительственными организациями, которые могут способствовать природоохранным мерам, включая *Научный комитет по антарктическим исследованиям*, *Научный комитет по океаническим исследованиям* и *Международную китобойную комиссию*. Кроме того, Комиссия АНТКОМ призвала учитывать *соответствующие меры или правила*, принятые или рекомендованные Консультативными совещаниями согласно статье 9 Договора об Антарктике либо принятые или рекомендованные существующими международными организациями по сохранению морских биоресурсов, чтобы избежать несоответствия между такими правилами и теми мерами, которые могут быть приняты Комиссией (ст. 9 и ст. 23 Конвенции 1980 г.). Согласно упомянутому документу – «Общая мера для создания морских охраняемых районов АНТКОМ» – при создании нового морского охраняемого района именно Комиссия АНТКОМ должна определять, какие меры, установленные в рамках системы Договора об Антарктике, следует поддержать с целью достижения целей создаваемого района (п. 10).

Заметим, что ни один из рассмотренных правовых документов не позволяет создать морской охраняемый район повышенной защиты, который соответствовал бы категориям Ia и Ib согласно классификации, предложенной *Международным союзом охраны природы*, рассмотренной выше. На территории Антарктики не создано, кроме того, ни одного «особо чувствительного морского района» в соответствии с приведенной выше Резолюцией ИМО 1991 г. Видимо, защита морской среды Антарктики посредством охраняемых морских районов будет и далее обеспечиваться в основном на региональной, а не на универсальной основе. Но при этом, думается, востребован и более координированный, «взаим-

модополняющий» подход к созданию сети морских охраняемых районов в Антарктике в контексте целостной опоры на существующие правовые механизмы, как региональные, так и универсальные, при развитии неформальных консультативных процедур, включая «научную дипломатию» (*science diplomacy*). Тем самым будут гармонизированы наиболее действенные правовые механизмы, созданные в рамках Комиссии по охране морских ресурсов Антарктики, Консультативных совещаний Договора об Антарктике, ИМО, МСОП, ЮНЕП и т.д., при должном внимании и к тем лучшим природоохранным мерам, которые принимаются национальными органами власти, в чью компетенцию входят вопросы создания морских охраняемых районов. Это важно и потому, что в наиболее эффективной системе взаимно координируемых морских охраняемых районов в Антарктике заинтересовано международное сообщество государств в целом. Такая система больше соответствует долговременному и выверенному решению экологических проблем, чем создание фрагментарных морских охраняемых зон.

Создание юридически связанной системы морских охраняемых районов в Антарктике предполагает правовую классификацию тех разноликих «особых» морских районов, которые разработаны в этом регионе практикой государств, на основе применимых международных договоров, в том числе Конвенции МАРПОЛ 1973/78; Конвенции 1982 г.; Протоколов к конвенциям ЮНЕП. В науке предложена классификация морских охраняемых районов посредством применения следующих их характеристик: цели управления данной особой территорией; уровень запрета по отношению к человеческой деятельности на данной территории; пространственная конфигурация данной охраняемой территории; критерии выбора, положенные в основу установления морской охраняемой территории в конкретном районе [Milligan 2013:556-557]. Как нам представляется, и в этом полярном регионе для классификации морских охраняемых районов не следует игнорировать те исходные характеристики, которые предложены в документе *Международного союза охраны природы*, рассмотренном выше. С одной стороны, Антарктика уже является юридически обозначенным природным заповедником, жизненно важным компонентом всей экосистемы нашей планеты, территорией с крайне уязвимой окружающей средой. С другой стороны, нереалистично ожидать прекращения уже

сложившейся экономической деятельности в водах Антарктики, прежде всего рыбохозяйственной и навигационной. Разумный баланс между экономической деятельностью в Антарктике и природоохранными требованиями достигается не только посредством умного регулирования такой деятельности, но и посредством совершенствования порядка установления охраняемых районов в антарктических акваториях и их правового режима.

11. Охраняемые районы в морях Северного Ледовитого океана

Еще в *Стратегии по охране окружающей среды Арктики* 1991 г. создание охраняемых территорий было определено в качестве руководящего принципа (Принцип 5); то есть государства придавали этому вопросу значение еще до создания в 1996 году *Арктического совета* [Berkman, Vylegzhanin, Young 2019: XXVIII-XXX]. В 1993 г. на встрече министров арктических государств в Нууке вопрос о развитии системы охраняемых районов в Арктике было поручено рассмотреть *Рабочей группе по сохранению арктической флоры и фауны*. В 1996 г. был принят документ о *сети околполярных охраняемых территорий*³³.

Созданный на основе Оттавской декларации 1996 года *Арктический совет* (Arctic Council) традиционно уделяет большое внимание вопросам защиты морской среды [Berkman, Vylegzhanin, Young 2019:31-58]. Вопросы о морских охраняемых районах рассматривались прежде всего в рамках *Рабочей группы по сохранению арктической флоры и фауны* и *Рабочей группы по защите арктической морской среды*.

Создание охраняемых территорий названо в документах Арктического совета необходимым средством устойчивого использования биологического разнообразия. В документах предусматривается, что такая природоохранная сеть околполярных охраняемых территорий в Арктике должна охватывать как можно большее количество экосистем. В 1996 году *Рабочая группа по сохранению арктической флоры и фауны*

(*Conservation of Arctic Flora and Fauna – CAFF*), используя предыдущие наработки, представила: 1) *Стратегию циркумполярной сети охраняемых районов* (*Circumpolar Protected Area Network*); 2) *План действий* (*Action Plan*); 3) *Принципы и руководства* (*Principles and Guidelines*). В этих документах обозначены правовые контуры создания охраняемых территорий в Арктике. Однако сотрудничество в целях создания сети околполярных охраняемых территорий в формате «Сети циркумполярных охраняемых районов» (формате CPAN – Circumpolar Protected Areas Network) было приостановлено в 2004 г. и прекращено в 2005 году. В 2006 г. на встрече *Рабочей группы по сохранению арктической флоры и фауны* было отмечено, что программа в формате CPAN не будет реализовываться до принятия соответствующих решений арктическими государствами [Koivurova 2009 :52]. Но этого не последовало.

Арктический совет сделал акцент на использование механизма *Рабочей группы по сохранению арктической флоры и фауны* для продвижения работы по созданию сети морских охраняемых территорий. В изменениях 2004 г. к *Арктическому стратегическому морскому плану* (*Arctic Marine Strategy Plan*) на период 2015–2025 гг. развитие сети морских охраняемых территорий в Арктике названо «стратегической задачей»³⁴. В частности, в п. 7.2.10 этого документа отмечено, что необходимо разработать *панарктическую сеть морских охраняемых территорий* с целью улучшения состояния морских экосистем и сохранения традиционного образа жизни коренных народов. В 2015 г. Арктический совет принял рамочный документ «*Основы панарктической сети морских охраняемых территорий*» (*Framework for a Pan-Arctic Network of Marine Protected Areas*), подготовленный *Рабочей группой по защите арктической морской среды*³⁵. В документе отмечается, что создание панарктической сети морских охраняемых территорий внесет вклад в достижение целей Арктического совета, поставленных в его документах, ранее принятых (таких как Кирунская декларация 2013 г.)³⁶,

³³ Circumpolar Protected Areas Framework (CPAN). URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/154/CPAN_Strategy_Action_Plan_1996.pdf?sequence=3&isAllowed=y (accessed date: 17.06.2019).

³⁴ PAME. The Arctic Marine Strategy Plan (2015-2025). P. 14. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/413/AMSP%202015-2025.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed date: 18.06.2019).

³⁵ См.: Framework for a Pan-Arctic Network of Marine Protected Areas. 2015. URL: https://pame.is/images/03_Projects/MPA/MPA_Report.pdf (accessed date: 18.06.2019).

³⁶ Кирунская декларация 2013 г. Доступ: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/778> (дата обращения: 18.06.2019).

в том числе более результативной защиты морской среды и экосистемного подхода. Кроме того, сеть морских охраняемых районов в Арктике способствовала бы реализации рекомендаций, принятых в рамках Арктического совета, в том числе отраженных в таких документах, как «Оценка биоразнообразия Арктики»³⁷, «Оценка деятельности по добычи газа и нефти в Арктике»³⁸, «Оценка судоходства в Арктике»³⁹.

Согласно названному документу Арктического совета 2015 г. в рамках деятельности совета по имплементации экосистемно ориентированного управления в Арктике должна быть создана «экологически взаимосвязанная, представительная и эффективно управляемая» сеть морских охраняемых территорий, которая будет «защищать и обеспечивать устойчивость биологического разнообразия, экологических процессов и культурного наследия морской среды Арктики, а также связанные с этим социальные и экономические выгоды для настоящего и будущих поколений»⁴⁰. Для достижения поставленных целей в документе определены соответствующие задачи. Отмечено, что защита морской среды и сохранение биоразнообразия в Арктике является приоритетом Арктического совета; что для решения сложных и взаимосвязанных проблем трансграничного характера в Арктике необходимо эффективное международное сотрудничество. К таким проблемам в документе отнесены

прежде всего последствия изменения климата, в том числе уменьшение количества льда в Арктике, что приводит к потере мест обитания арктических видов фауны на фоне увеличения доступа хозяйствующих субъектов к пространствам Северного Ледовитого океана, роста судоходства и добычи углеводородов. Документ ориентирует на сотрудничество с целью сохранения прибрежной и морской среды в регионе⁴¹. По смыслу документа, сеть морских охраняемых районов больше соответствует эффективному решению экологических проблем, чем создание отдельных, не связанных юридически и административно морских охраняемых зон, поскольку именно их системный формат обеспечивает взаимосвязанность природоохранных усилий в Арктическом регионе⁴².

Как документ «мягкого права» «Основы панарктической сети морских охраняемых территорий» нацелены на создание арктическими государствами таких районов прежде всего в их исключительных экономических зонах. Из документа, который отсылает к Арктическому стратегическому морскому плану на 2015–2025 г.⁴³, следует вместе с тем, что коль скоро имеется в виду экологически взаимосвязанная сеть природоохранных территорий, то при этом учитываются связи таких охраняемых территорий и с участками суши, и с внутренними водами и территориальным морем, а также с районами

³⁷ В 2013 году Рабочая группа по сохранению арктической флоры и фауны (CAFF) подготовила доклад «Оценка биоразнообразия Арктики». В докладе раскрыты последствия изменения климата и других факторов, влияющих на биологические виды и их среду обитания в Арктике. Установлено, что большие участки Арктики остаются сравнительно нетронутыми, а значит, пока еще есть уникальная возможность для продуманных действий по сведению к минимуму будущих проблем, обусловленных всплеском навигационной и иной деятельности в морях Северного Ледовитого океана. В апреле 2015 года, во время встречи на уровне министров, был представлен восьмилетний план «Действия в поддержку арктического биоразнообразия на 2013–2021 годы» – план, который был составлен в ходе обсуждений между государствами – членами Арктического совета, организациями коренных народов, организациями-наблюдателями и государствами-наблюдателями.

³⁸ Отчет с оценкой деятельности по добыче нефти и газа в Арктике был подготовлен АМАР в 2007 г. Цель данного документа – оценка экологических, социальных, экономических последствий, связанных с деятельностью по добыче нефти и газа в Арктике, а также последствий для здоровья человека. Кроме того, в отчете была представлена оценка наиболее вероятного развития данной отрасли в Арктике в будущем и потенциального эффекта от данной деятельности в Арктике. См.: Arctic Oil and Gas 2017. URL: <http://www.amap.no/oil-and-gas-assessment-oga> (accessed date: 18.06.2019).

³⁹ Отчет ПАМЕ «Оценка судоходства в Арктике» был одобрен Арктическим советом на конференции министров в Тромсе в 2009 г. См.: The AMSA 2009 Report. URL: <http://www.pame.is/index.php/projects/arctic-marine-shipping/amsa> (accessed date: 18.06.2019).

⁴⁰ Framework for a Pan-Arctic Network of Marine Protected Areas. 2015. P. 6. URL: https://pame.is/images/03_Projects/MPA/MPA_Report.pdf (accessed date: 18.06.2019).

⁴¹ Ibid. P.7.

⁴² Ibid. P. 5.

⁴³ Ibid. P.11.

открытого моря в Северном Ледовитом океане. Но при этом в документе нет специальной рекомендации создать морской охраняемый район в открытом море.

В документе обозначены принципы, которых надлежит придерживаться при разработке и создании сети морских охраняемых территорий Арктики⁴⁴. Прежде всего арктическим государствам рекомендовано следовать системному подходу в развитии такой сети и обеспечить «по мере возможности», чтобы ее создание было основано на экосистемном подходе; чтобы были учтены взаимосвязи данной морской территории с другими территориями, находящимися за пределами исключительных экономически зон арктических государств. Далее, рекомендовано уважать полномочия органов государственной власти арктических государств, обязательства этих государств по международным договорам. Деятельность по созданию сети охраняемых морских районов в Арктике, как рекомендовано, должна основываться на новейших знаниях, включая новейшие научные данные и традиционные знания коренных народов. В документе указано на необходимость осторожного подхода при принятии соответствующих решений. В морских охраняемых территориях Арктики, согласно документу, надлежит учитывать происходящие изменения климата, а сама сеть морских охраняемых территорий должна «генерировать определенные культурные и социально-экономические выгоды». Арктическое государство, принимая необходимые природоохранные меры, исходит из согласия всех арктических государств принимать меры необходимого уровня защиты и каждой отдельной морской охраняемой территории, и всей их сети в совокупности. Документ предусматривает, что соответствующее арктическое государство разрабатывает План управления отдельной морской территорией. Реализация данного принципа включает, согласно документу, мониторинг эффективности управления и отчетность, а также иные своевременные меры, востребованные в связи с представленной отчетной информацией. Документ нацеливает на интеграцию природоохранных действий соответствующих органов

государственной власти арктических государств с целью повышения эффективности управления морскими охраняемыми территориями в Арктике.

В документе сформулированы четыре взаимосвязанные цели панарктической сети морских охраняемых территорий: повысить уровень устойчивости окружающей среды; поддерживать интегрированное управление; повысить уровень информированности общественности; повысить уровень сотрудничества и координации между арктическими государствами⁴⁵. Для достижения поставленных целей в документе определены соответствующие задачи и критерии (для включения определенной морской территории в панарктическую сеть)⁴⁶.

В юридическом плане, по замыслу составителей документа, панарктическая сеть морских охраняемых территорий состоит из: а) морских районов за пределами государственной территории, б) сети морских охраняемых территорий в пределах государственной территории арктических государств. Соответственно развитие такой сети зависит прежде всего от природоохранных усилий, прилагаемых арктическими государствами, от повышения качественного уровня и результативности сотрудничества между арктическими государствами в сфере защиты морской среды. В документе определено, что соответствующий координационный механизм будет создан в рамках Арктического совета. На данном этапе функции такого механизма выполняет «экспертная группа сети морских охраняемых районов»⁴⁷. При описании дальнейших шагов по созданию панарктической сети морских охраняемых территорий в документе определены варианты подходы к их обозначению, а также к управлению ими. В Приложении к документу представлена информация об уже существующих и планируемых морских охраняемых территориях в пределах каждого арктического государства.

В 2017 г. в рамках Арктического совета были приняты еще два документа, касающихся создания сети морских охраняемых территорий в Арктике. В частности, Фэрбанкская декларация призывает принять методику создания сети

⁴⁴ Framework for a Pan-Arctic Network of Marine Protected Areas. 2015. P. 6-10. URL: https://pame.is/images/03_Projects/MPA/MPA_Report.pdf (accessed date: 18.06.2019).

⁴⁵ Ibid. P.9

⁴⁶ Ibid. P. 11.

⁴⁷ Ibid. P. 17.

морских охраняемых территорий⁴⁸ и содействовать дальнейшей работе по имплементации «Основ панарктической сети морских охраняемых территорий» (п. 8)⁴⁹. Важной частью методики создания сети морских охраняемых территорий стало Приложение 2, посвященное практике создания таких территорий арктическими государствами⁵⁰. Вторым документом, отмеченным в Декларации 2017 г., стал совместный отчет рабочих групп РАМЕ и SAFE «Охраняемые территории Арктики – доклад об индикаторах»⁵¹.

Отметим в порядке предварительной констатации, что «Основы панарктической сети морских охраняемых территорий» определяют лишь общие правовые ориентиры международного сотрудничества по созданию морских охраняемых территорий и управлению ими. Данный документ, не имея договорно-согласованного уровня, тем не менее нацелен и на увеличение площади морских охраняемых территорий в морских районах, находящихся под юрисдикцией арктических государств. Документ (как и другие рассмотренные выше документы по созданию морских охраняемых территорий, принятые в рамках Арктического совета) не является для государств – членов совета юридически обязательным, представляя собой вспомогательный источник для определения применимого арктического права⁵². Каждое арктическое государство вправе, однако, реализовать положения данного документа исходя из приоритетов своей арктической правовой политики, самостоятельно устанавливая временные рамки.

В рассмотренном документе Арктического совета стержневым является понятие «Панарктическая сеть морских охраняемых территорий». В соответствии с ним это – экологически репрезентативный и взаимосвязанный набор

отдельных морских охраняемых территорий, а также других эффективных территориально обоснованных охранных мер в Арктике, которые действуют совместно, в рамках различных пространственных масштабов и диапазонов уровней природоохранных мер; цель функционирования такой сети состоит в достижении долговременного сохранения морской среды, соответствующих экосистемных и культурных ценностей на более эффективной основе, чем мог бы обеспечить правовой режим отдельных охраняемых акваторий⁵³.

При этом возникает вопрос: что понимается под «другими эффективными территориально обоснованными природоохранными мерами» по смыслу данного документа? В самом документе четких пояснений по данному вопросу не представляется. Такими мерами, как можно предположить, могут стать те, которые обеспечивают целевую защиту морской среды – и в рамках национального права, и по договоренности соседних государств, в том числе в отношении сохранения морской среды в конкретном биогеографическом регионе: например, по соглашению России и Норвегии о природоохранном управлении регионом Баренцева моря; России и США – о таком управлении Чукотским морем. В науке предложено сюда же включать природоохранные меры в отношении особо ценных видов живой природы, чувствительных экологических комплексов, которые требуют особого внимания. В этом плане авторы, однако, ссылаются на норвежский «План интегрированного управления Баренцевым морем» и аналогичный план для Норвежского моря, т.е. на односторонние правовые документы, но не на потенциал двусторонних природоохранных механизмов соседних прибрежных государств⁵⁴. При этом зарубежные

⁴⁸ См.: Area Based Conservation Measures and Ecological Connectivity. PAME MPA Network Toolbox. 2017. P. 45. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1934/PAME_MPA-network_toolbox-Area-based_conservation_measures_and_ecological_connectivity.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed date: 18.06.2019).

⁴⁹ Fairbanks Declaration 2017. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1910/EDOCS-4339-v1/ACMMUS10_FAIRBANKS_2017_Fairbanks_Declaration_Brochure_Version_w_Layout.PDF?sequence=8&isAllowed=y (accessed date: 18.06.2019).

⁵⁰ Area Based Conservation Measures and Ecological Connectivity. PAME MPA Network Toolbox. 2017. P. 45. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1934/PAME_MPA-network_toolbox-Area-based_conservation_measures_and_ecological_connectivity.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed date: 18.06.2019).

⁵¹ Arctic Protected Areas – 2017 Indicator Report. URL: <https://www.caff.is/assessment-series/414-arctic-protected-areas-indicator-report-2017/download> (accessed date: 18.06.2019).

⁵² Framework for a Pan-Arctic Network of Marine Protected Areas. 2015. P. 5. URL: https://pame.is/images/03_Projects/MPA/MPA_Report.pdf (accessed date: 18.06.2019).

⁵³ Ibid. P. 12.

⁵⁴ An integrated management plan of the marine environment of the Barents Sea and the Sea Areas off the Lofoten Islands, 2002–2006. URL: <http://msp.ioc-unesco.org/world-applications/europe/norway/barents-sea/> (accessed date: 18.06.2019).

исследователи делают акцент на естественно-научные аспекты морского пространственного планирования как эффективного механизма сохранения морской среды в четко определенных биогеографических регионах [Olsen et al. 2007:4; Arkema et al. 2006:525-532; Kaeppler et al. 2012:9]. Меньше анализируются вопросы морской политики и морского права, возникающие при осуществлении природоохранных мер, принятых в соответствии с планами морского пространственного планирования [Dengbol, Wilson 2008: 189-200; Douvere, Ehler 2009:77-88].

В рамках толкования положений об охраняемых районах, содержащихся в Конвенции по биологическому разнообразию 1992 г., в науке ссылаются на итоги международного семинара, проведенного в 2014 г. в Хельсинки. На семинаре было определено, что 11 морских территорий в Арктике соответствуют «экологически или биологически значимым морским территориям» в смысле положений *Конвенции по биологическому разнообразию* [Jacobsen 2016:238]. Но при этом автор не отметил, каково правовое значение материала, коллегиально составленного участниками этого международного семинара.

В упомянутых Основах, принятых Арктическим советом, определено, что природоохранная сеть защиты морской среды может включать морские территории, соответствующие критериям «экологически или биологически значимых морских территорий». В документе правильно, на наш взгляд, отвергнута абсолютизация критериев, предусмотренных Конвенцией 1992 г.: в нем отмечено, что сам по себе факт того, что территория соответствует критериям «экологически или биологически значимых морских территорий» согласно Конвенции по биологическому разнообразию 1992 г., еще не означает, что такая территория автоматически приобретает статус охраняемой морской арктической территории или что к ней применяется особый режим защиты⁵⁵. Поддерживая эту точку зрения, мы ссылаемся на исследования юридически деликатного вопроса о соотношении рамочного, общего уровня регулирования, заложенного в Конвенции 1982 г. и в Конвенции по биологическому разнообразию 1992 г., и того специального, регионального уровня регулирования отношений государств в связи с деятельностью в морях Северного Ледовитого океана, который представлен нормами аркти-

ческого права [Арктический регион...2013:7-44; Berkman, Vylegzhanin, Young 2019: V-XXXII].

12. Заключение

Увеличение масштабов научной, экономической и военной деятельности государств в Мировом океане, особенно в самом маленьком из океанов – по площади и по глубине – Северном Ледовитом океане, ведет к повышению негативного воздействия на морскую среду, свидетельствуя о необходимости совершенствования мер ее защиты, сохранения морских экологических комплексов, улучшения качества правовых механизмов морского природопользования, в том числе посредством создания морских охраняемых районов и управления ими.

В части Тихого, Атлантического, Индийского океанов, их морей, не покрытых льдом большую часть года, соответствующий проект универсального соглашения, разрабатываемый в рамках ООН, хотя и находящийся в начальной стадии согласования, ориентирует на унифицирующее развитие морского экологического права, пусть и посредством создания весьма рамочных норм.

Что же касается полярных вод, то в своей политике по совершенствованию правового режима морских охраняемых территорий в Арктике, по созданию новых таких районов и уточнению границ существующих – арктическим государствам, как представляется, целесообразно опираться не только на рассмотренные выше рекомендации *Международного союза охраны природы* («Правила по применению категорий по управлению охраняемыми территориями»); не только учитывать «*Основы панарктической сети морских охраняемых территорий*» (последние, как отмечалось, определяют общие правовые ориентиры международного сотрудничества по созданию морских охраняемых территорий и управлению ими). Современная правовая политика арктических государств все более ориентируется на продуманные, юридически и биологически проработанные региональные и двусторонние природоохранные договоренности, в том числе в этой специальной области. Создание в морях Северного Ледовитого океана приемлемой по своему правовому режиму общей сети арктических морских охраняемых районов могло бы сопровождаться координирован-

⁵⁵ Framework for a Pan-Arctic Network of Marine Protected Areas. 2015. P. 15. URL: https://pame.is/images/03_Projects/MPA/MPA_Report.pdf (accessed date: 18.06.2019).

ным управлением арктическими государствами такими районами – как на двустороннем уровне в конкретном море, так и на региональном, в рамках Арктического совета, в отношении панарктической сети таких районов.

Представляется, что в новом тексте *Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации* (АЗРФ), который в настоящее время разрабатывается, можно было бы предусмотреть специальный раздел, посвященный установлению в Арктической зоне РФ российской системы морских охраняемых районов. При этом для каждого из арктических морей, омывающих побережье только России (прежде всего таких больших по площади, как *Карское*, *Лантевых*, *Восточно-Сибирское*), целесообразно предусмотреть разработку *Плана комплексного управления морским природопользованием*. В Плане можно было бы, с учетом географических, биофизических и иных особенностей данного моря, сформулировать положения о гармонизации мер охраны морской среды, в том числе с выделением морских охраняемых районов с разными видами экономического использования моря, как-то: судоходство, включая обозначение основных морских путей и СРД; рыболовство и управление биоресурсами моря; нефтегазовая деятельность в морских недрах, включая строительство искусственных островов и иных стационарных конструкций; морской туризм и рекреационная деятельность; морские научные исследования. При этом нормативное обозначение морских охраняемых районов должно проходить в контексте применимых норм международных договоров РФ с учетом рекомендаций Международного союза охраны природы и приоритетным вниманием к документам Арктического совета.

Создавая международно-правовую основу региональной системы морских охраняемых районов в морях Северного Ледовитого океана, приарктические государства несомненно продолжают и практику двустороннего сотрудничества по специальным вопросам сохранения морской среды, причем не только посредством координированного морского пространственного планирования. На основе двусторонних соглашений два соседних приарктических государства, например, являющиеся прибрежными к одному и тому же морю Северного Ледовитого океана, могли бы согласовать действенный режим защиты и сохранения окружающей среды в пределах этого моря, включающий в себя и установление охраняемых районов. В качестве примера мож-

но привести востребованность оптимизации природоохранного управления трансграничными морскими природными ресурсами в районе *Баренцева моря*, через который проходит линия, разграничивающая районы континентального шельфа России и Норвегии. На первом этапе представляется полезным разработать *концепцию российско-норвежского соглашения о комплексном управлении морским природопользованием в Баренцевом море*. Приложением к данному международному соглашению мог бы стать периодически обновляемый *План* такого управления. План стимулировал бы выработку взаимоприемлемых мер защиты морской среды в порядке реагирования этих двух прибрежных государств на рост судоходства в Баренцевом море, на увеличение рисков столкновения судов, иных аварий в данной акватории, рисков загрязнения морской среды из иных источников в регионе Баренцева моря. В Плане можно было бы предусмотреть поэтапную правовую квалификацию анклава открытого моря, полностью окруженного 200-мильными зонами национальной юрисдикции России и Норвегии, в качестве охраняемого морского района, а также начальные российско-норвежские меры управления таким районом. План в целом способствовал бы повышению качества природоохранного управления России и Норвегии Баренцевым морем; нацеливал бы и на то, чтобы при устойчивом сохранении качества морской среды, в том числе путем действенной реализации института ответственности государства флага (на международно-правовом) и судовладельца (на частноправовом) уровнях за каждый случай загрязнения морской среды, создавать все более благоприятные правовые условия для жизни местных жителей арктического побережья России и Норвегии, в том числе посредством наращивания производства морепродуктов, иных материальных ценностей, одновременно поддерживая продуктивность существующих арктических экосистем.

Предложенные выше научно-правовые идеи к развитию двустороннего сотрудничества России и Норвегии в области природоохранного управления Баренцевым морем можно применить и к мерам защиты морской среды и ее сохранению в других частях Северного Ледовитого океана, прежде всего в *Чукотском море* и в *Беринговом проливе*, на основе российско-американских договоренностей. В 2018 г. было, как известно, разработано совместное российско-американское предложение по установлению рекомендован-

ной схемы движения судов в Беринговом проливе; впоследствии эта схема поддержана Международной морской организацией. Этот документ с длинным названием («Рекомендованная схема путей движения судов и районов повышенной осторожности в Беринговом проливе и на подходах к нему») стал первой двусторонней мерой регулирования судоходства в полярных водах, утвержденной ИМО в соответствии со ст. 41 Конвенции 1982 г. (при том что США не участвуют в этой конвенции). Следующим шагом могла бы стать разработка двустороннего российско-американского соглашения о комплексном природоохранном управлении природопользованием в Чукотском море (для его заключения обращение в ИМО не требуется). Приложениями к данному соглашению могли бы стать: периодически обновляемый план комплексного природоохранного управления природопользованием в Чукотском море; двусторонний российско-американский документ о координированном установлении

Россией и США системы охраняемых районов в Чукотском море (для последующего сообщения ИМО о таких районах). Такие документы способствовали бы выработке общей позиции США и России в вопросах природоохранного управления этим морем.

Улучшение качества правовых механизмов защиты морской среды в акваториях Северного Ледовитого океана могло бы не только привести к предотвращению ее большего загрязнения на фоне роста экономической деятельности в таких акваториях, освобождающихся от круглогодичной ледовой «шапки», но также способствовать повышению эффективности мер по защите морской среды, принимаемых в иных частях мирового океана. Тем самым будут обозначены новые правовые механизмы совершенствования экосистемного регулирования морского природопользования, включая создание новых региональных и двусторонних действенных систем морских охраняемых территорий.

Список литературы

1. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Том 3. Применимые правовые источники. Гл. ред. И.С. Иванов. 2013. М.: Аспект Пресс. 663 с.
2. Международное экологическое право. Отв. ред. Р.М. Валеев. 2012. М.: Статут. 639 с.
3. Вылегжанин А.Н. 2001. Биоразнообразие морской среды и международное право. – *Государство и право*. № 3. С. 69–81.
4. Горшков Г.С., Мелков Г.М. 1979. *Предотвращение загрязнения морской среды*. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР. 288 с.
5. Лукин В.В., Клоков В.Д., Помелов В.Н. 2002. *Система договора об Антарктике*. СПб.: Гидрометеоздат. 400 с.
6. Соколова Н.А. 2010. *Международно-правовые проблемы в сфере охраны окружающей среды*. М.: Проспект. 320 с.
7. Сперанская Л.В. 1984. *Международно-правовая ответственность за загрязнение мирового океана*. М.: Наука. 152 с.
8. Arkema K., Abramson S., Dewsbury B. 2006. Marine Ecosystem-Based Management: from Characterization to Implementation. – *Frontiers in Ecology and the Environment*. Vol. 4. Issue 10. P. 525–532.
9. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. 2019. *Baseline of Russian Arctic Laws*. Leeds: Springer. 734 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-06262-0>
10. Brown E.D. 1994. *The International Law of the Sea*. Vol. I. Sydney: Dartmouth Publishing Co. 494 p.
11. Chircop A. 2018. The IMO's Work on Environmental Protection and Global Ocean Governance. – *The IMLI Treatise On Global Ocean Governance. Vol. III: The IMO and Global Ocean Governance*. Oxford: Oxford University Press. P. 172–204.
12. Churchill R.R., Lowe A.V. 1999. *The Law of the Sea*. 3rd ed. Manchester: Manchester University Press. 494 p.
13. Dengbol D., Wilson D. 2008. Spatial Planning on the North Sea: a Case of Cross-scale Linkages. – *Marine Policy*. Vol. 32. Issue 2. P. 189–200. DOI: [10.1016/j.marpol.2007.09.006](https://doi.org/10.1016/j.marpol.2007.09.006)
14. Douvère F., Ehler C. 2009. New Perspectives on Sea Use Management: Initial Findings from European Experience in Marine Spatial Planning. – *Journal of Environmental Management*. Vol. 90. Issue 1. P. 77–88. DOI: [10.1016/j.jenvman.2008.07.004](https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2008.07.004)
15. Douvère F. 2008. The importance of marine spatial planning in advancing ecosystem-based sea use management. – *Marine Policy*. Vol. 32. Vol. 5. P. 762–771. DOI: [10.1016/j.marpol.2008.03.021](https://doi.org/10.1016/j.marpol.2008.03.021)
16. Jabour J., Smith D. 2018. The Ross Sea Region Marine Protected Area: Can It Be Successfully Managed? – *Ocean Yearbook*. Vol. 32. Issue 1. P. 190–205. DOI: <https://doi.org/10.1163/22116001-03201008>
17. Jacobsen I. 2016. *Marine Protected Areas in International Law: an Arctic Perspective*. Leiden: Martinus Nijhoff. 436 p.
18. Jakobsen I. 2018. Integrated Ocean Management in the Arctic Comparative Analyses of the Implementation and Use of Marine Protected Areas in Canada and Norway. – *Ocean Yearbook*. Vol. 32. Issue 1. P. 206–238. DOI: <https://doi.org/10.1163/22116001-03201009>
19. Kaepeller B. [et al]. 2012. *Developing a Pilot Maritime Spatial Plan for the Pomeranian Bight and Arkona Basin*. Hamburg. BaltSeaPlan Report. 140 p. URL: <http://www.partiseapate.eu/wp-content/uploads/2013/04/BaltSeaPlan-Developing-a-Pilot-Maritime-Spatial-Plan-for-the-Pomeranian-Bight-and-Arkona-Basin.pdf> (accessed date: 23.06.2019).
20. Koivurova T. 2009. Governance of protected areas in the Arctic. – *Utrecht Law Review*. Vol. 1. Issue 5. P. 44–60. DOI: [http://doi.org/10.18352/ulr.94](https://doi.org/10.18352/ulr.94)

21. Milligan B. 2013. Marine Protected Areas in Antarctic Waters: A Review of Policy Options in the Context of International Law. – *The Limits of Maritime Jurisdiction*. Ed. by C. Schofield, M. Kwon and S. Lee. Leiden: Martinus Nijhoff. P. 552–574.
22. Olsen E. [et al.]. 2007. The Norwegian Ecosystem-Based Management Plan for the Barents Sea. – *ICES Journal of Marine Science*. Vol. 64. Issue 4. P. 599–602. DOI: <https://doi.org/10.1093/icesjms/fsm005>
23. Roberts J. 2005. Protecting Sensitive Marine Environments: The Role and Application of Ships' Routing Measures. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. Vol. 20. Issue 1. P. 135–159. DOI: [10.1163/157180805774851599](https://doi.org/10.1163/157180805774851599)
24. Roberts J. 2007. *Marine Environment Protection and Biodiversity Conservation: The Application and Future Development of the IMO's Particularly Sensitive Sea Area Concept*. Heidelberg: Springer. 289 p. DOI: [10.1007/978-3-540-37699-6](https://doi.org/10.1007/978-3-540-37699-6)
25. Rose G., Milligan B. 2009. Law for the Management of Antarctic Marine Living Resources: From Normative Conflicts towards Integrated Governance. – *Yearbook of International Environmental Law*. Vol. 20. Issue 1. P. 41–87. DOI: <https://doi.org/10.1093/yiel/20.1.41>
26. Shaw M. 2017. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1033 p.
27. *United Nations Convention on the Law of the Sea, 1982. A Commentary*. Vol. IV. 1990. Leiden: Martinus Nijhoff. 769 p.
9. Douvere F. The importance of marine spatial planning in advancing ecosystem-based sea use management. – *Marine Policy*. 2008. Vol. 32. Issue 5. P. 762–771. DOI: [10.1016/j.marpol.2008.03.021](https://doi.org/10.1016/j.marpol.2008.03.021)
10. Gorshkov G.S., Melkov G.M. *Predotvrashchenie zagyazneniya morskoi sredy* [Prevention of Pollution of the Marine Environment]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR Publ. 1979. 288 p. (In Russ.)
11. Jabour J., Smith D. The Ross Sea Region Marine Protected Area: Can It Be Successfully Managed? – *Ocean Yearbook*. 2018. Vol. 32. Issue 1. P. 190–205. DOI: <https://doi.org/10.1163/22116001-03201008>
12. Jacobsen I. *Marine Protected Areas in International Law: an Arctic Perspective*. Leiden: Martinus Nijhoff. 2016. 436 p.
13. Jakobsen I. Integrated Ocean Management in the Arctic Comparative Analyses of the Implementation and Use of Marine Protected Areas in Canada and Norway. – *Ocean Yearbook*. 2018. Vol. 32. Issue 1. P. 206–238. DOI: <https://doi.org/10.1163/22116001-03201009>
14. Kaepeller B. [et al.]. *Developing a Pilot Maritime Spatial Plan for the Pomeranian Bight and Arkona Basin*. Hamburg. BaltSeaPlan Report. 2012. 140 p. URL: <http://www.partiseapate.eu/wp-content/uploads/2013/04/BaltSeaPlan-Developing-a-Pilot-Maritime-Spatial-Plan-for-the-Pomeranian-Bight-and-Arkona-Basin.pdf> (accessed date: 23.06.2019).
15. Koivurova T. Governance of protected areas in the Arctic. – *Utrecht Law Review*. 2009. Vol. 1. Issue 5. P. 44–60. DOI: <http://doi.org/10.18352/ulr.94>
16. Lukin V.V., Klokov V.D., Pomelov V.N. *Sistema dogovora ob Antarktike* [The Antarctic Treaty System]. Saint Petersburg: Gidrometeoizdat Publ. 2002. 400 p. (In Russ.)
17. *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo*. Otv. red. R.M. Valeev [International Environmental Law. Ed. by R.M. Valeev]. Moscow: Statut Publ. 2012. 639 p. (In Russ.)

References

1. Arkema K., Abramson S., Dewsbury B. Marine Ecosystem-Based Management: from Characterization to Implementation. – *Frontiers in Ecology and the Environment*. 2006. Vol. 4. Issue 10. P. 525–532.
2. *Arkticheskii region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Tom 3. Primenimye pravovye istochniki*. Gl. red. I.S. Ivanov [Arctic Region: problems of international cooperation. Vol. 3. applicable legal sources. Ed. by I.S. Ivanov]. Moscow: Aspekt Press Publ. 2013. 663 p. (In Russ.)
3. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. *Baseline of Russian Arctic Laws*. Leeds: Springer. 2019. 734 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-06262-0>
4. Brown E.D. *The International Law of the Sea*. Vol. I. Sydney: Dartmouth Publishing Co. 1994. 494 p.
5. Chircop A. The IMO's Work on Environmental Protection and Global Ocean Governance. – *The IMLI Treatise On Global Ocean Governance*. Vol. III: *The IMO and Global Ocean Governance*. Oxford: Oxford University Press. 2018. P. 172–204.
6. Churchill R.R., Lowe A.V. *The Law of the Sea*. 3rd ed. Manchester: Manchester University Press. 1999. 494 p.
7. Dengbol, D., Wilson, D. Spatial Planning on the North Sea: a Case of Cross-scale Linkages. – *Marine Policy*. 2008. Vol. 32. Issue 2. P. 189–200. DOI: [10.1016/j.marpol.2007.09.006](https://doi.org/10.1016/j.marpol.2007.09.006)
8. Douvere F., Ehler C. New Perspectives on Sea Use Management: Initial Findings from European Experience in Marine Spatial Planning. – *Journal of Environmental Management*. 2009. Vol. 90. Issue 1. P. 77–88. DOI: [10.1016/j.jenvman.2008.07.004](https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2008.07.004)
19. Olsen E. [et al.]. The Norwegian Ecosystem-Based Management Plan for the Barents Sea. – *ICES Journal of Marine Science*. 2007. Vol. 64. Issue 4. P. 599–602. DOI: <https://doi.org/10.1093/icesjms/fsm005>
20. Roberts J. *Marine Environment Protection and Biodiversity Conservation: The Application and Future Development of the IMO's Particularly Sensitive Sea Area Concept*. Heidelberg: Springer. 2007. 289 p. DOI: [10.1007/978-3-540-37699-6](https://doi.org/10.1007/978-3-540-37699-6)
21. Roberts J. Protecting Sensitive Marine Environments: The Role and Application of Ships' Routing Measures. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2005. Vol. 20. Issue 1. P. 135–159. DOI: [10.1163/157180805774851599](https://doi.org/10.1163/157180805774851599)
22. Rose G., Milligan B. Law for the Management of Antarctic Marine Living Resources: From Normative Conflicts towards Integrated Governance. – *Yearbook of International Environmental Law*. 2009. Vol. 20. Issue 1. P. 41–87. DOI: <https://doi.org/10.1093/yiel/20.1.41>
23. Shaw M. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 1033 p.
24. Sokolova N.A. *Mezhdunarodno-pravovye problemy v sfere okhrany okruzhayushchei sredy* [International Law

- Problems in the Area of Environmental Protection]. Moscow Prospekt Publ. 2010. 320 p. (In Russ.)
25. Speranskaya L.V. *Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvenost' za zagryaznenie mirovogo okeana* [International Law Responsibility for Pollution of the World Ocean]. Moscow: Nauka Publ. 1984. 152 p. (In Russ.)
26. *United Nations Convention on the Law of the Sea, 1982. A Commentary. Vol. IV.* Leiden: Martinus Nijhoff. 1990. 769 p.
27. Vylegzhanin A.N. Bioraznoobrazie morskoi sredy i mezhdunarodnoe pravo [Biodiversity of the Marine Environment and International Law]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2001. No. 3. P. 69–81. (In Russ.)

Информация об авторах
Александр Николаевич Вылегжанин,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Эльвира Фаритовна Пушкарева,

доктор юридических наук, Совет по изучению производительных сил, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

117997, Российская Федерация, ул. Вавилова, д. 7

elvira_2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2620-623X

About the Authors
Alexander N. Vylegzhanin,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Elvira F. Pushkareva,

Doctor of Juridical Sciences, Council for the Study of Productive Forces, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation

7, ul. Vavilova, Moscow, Russian Federation, 117997

elvira_2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2620-623X